

Проблема "Пушкин и Твардовский" разработана мало¹, поэтому для ее обоснования и раскрытия потребовалось введение новых источниковедческих единиц литературно-критического, эпистолярного, мемуарного и художественного — преимущественно поэтического — плана.

Из первого комплекса источников укажем статьи и заметки Твардовского о литературе, его речи и выступления на съездах, пленумах, секретариатах Союза советских писателей, предисловия и рецензии, представленные в пятом томе его шеститомного собрания сочинений². Второй комплекс — эпистолярный: высказывания Твардовского о Пушкине, рассредоточенные в его письмах к ученым, писателям В.Е.Евгеньеву-Максимову, Б.С.Мейлаху, Н.Н.Арденсу, А.А.Прокофьеву, М.В.Исаковскому и др., собраны в шестом томе его сочинений. Третий комплекс заключен в мемуарных материалах, позволяющих восстановить, далеко не в исчерпывающей полноте, устные высказывания Твардовского о великом русском поэте и его творчестве; к сожалению, по своему объему он незначителен³. Четвертый комплекс охватывает саму поэзию Твардовского, впитавшую в ранний творческий период ученичества все, что было достигнуто художниками предшествовавших поколений, прежде всего поэтами пушкинской школы, что затем, "преумноженное", вошло в творчество зрелого Твардовского как пушкинские традиции, заветы и уроки.

Из первого комплекса материалов отметим "страничку воспоминаний" Твардовского под названием "Заветная книга" (1946), в которой рассказывается о том, как в 1920 г. отец поэта Трифон Гордеевич привез из Смоленска книгу стихотворений Некрасова — первый том издававшегося в 1914г. "полного" (двухтомного) собрания стихотворений поэта-демократа. Отмечая, что эта книга явилась "огромным, значительным событием тех лет", Твардовский указал, что она, наравне с однотомниками Пушкина и Лермонтова, еще ранее приобретенными отцом, составляла для него самую большую радость и гордость,

основу его "ребяческих интересов и заветных мечтаний" (У, 13). В связи с изложенным следует обратить внимание на то, что десятилетний Твардовский, получивший от отца в подарок стихи Некрасова, имел уже в своей детской библиотеке одно-томники Пушкина и Лермонтова: эти поэты еще раньше вошли в его сознание.

Выступая на Первом Всесоюзном совещании молодых писателей в 1947 г., Твардовский подчеркнул очень важную деталь: он сказал, что пушкинская "Полтава" была известна ему до того, как он постиг грамоту.

В статье "Праздник русской и мировой литературы", опубликованной в "Литературной газете" в 1949 г. в связи с празднованием 150-летия со дня рождения Пушкина, Твардовский, снова обратившись к своей детской памяти, подтвердил: "Я узнал и полюбил Пушкина в том возрасте, когда гораздо слаще слушать чтение, чем читать самому. Со слуха я узнал "Сказку о царе Салтане", "Полтавский бой" из "Полтавы", "Сон Татьяны" из "Евгения Онегина", "Жениха" /У, 17/.

Выходит, что приобщение будущего русского советского поэта к художественной литературе осуществлялось через Пушкина.

С Пушкиным связаны первые шаги Твардовского к самостоятельному чтению. Именно повесть "Капитанская дочка" открыла загорьевскому пареньку неизвестную ему ранее "по слуху" историю. Так совершился переход от пассивного восприятия им русской классики к активному ее осмыслению. Благодаря феноменальной памяти Твардовский воспроизводит свои первые впечатления от чтения пушкинской повести: бурян в степи для него станет "неизгладимым" впечатлением магической силы, "изошедшей от пушкинской страницы" /У, 17/.

Исключительная роль Пушкина, так хорошо подчеркнутая Твардовским, несомненна в его творческой биографии, хотя в науке долго господствовало другое мнение. В довоенное время, когда после выхода в свет поэмы "Страна Муравия" Твардовский получил широкую известность, в литературоведении доминировала версия, будто творческие истоки Твардовского-поэта опираются на некрасовскую традицию. Эту концепцию подкрепят затем своими ретроспективными воспоминаниями мемуаристы. Так, Л.Озеров в своих воспоминаниях "Ифлийские годы"

подробно рассказывает об увлечениях Твардовского Некрасовым. В 1938 г., когда наша страна отмечала 60-летие со дня смерти поэта-демократа, Твардовский подготовил и сделал доклад о поэме "Кому на Руси жить хорошо". По словам мемуариста, "это был серьезный, самостоятельный доклад о поэте, которого он любил и знал. Чувствовалось, что выбор темы не случаен, что она прошла через всю жизнь Твардовского" (Вос., 76). То, что доклад был подготовлен на высоком научном уровне (руководитель спецсеминара профессор А.М.Еголин считал, что он выполнен на уровне аспирантском), еще не дает основания для заключения об увлечении докладчика только Некрасовым, потому что и другие работы, как теперь установлено, выполнялись студентом Твардовским с такой же тщательностью и продуманностью, как и его доклад, посвященный знаменитой поэме Некрасова.

В 1939 г. на запрос известного ленинградского литературоведа В.Е.Евгеньева-Максимова, как он относится к Некрасову и какое влияние тот оказал на него, Твардовский ответил: "Не говорю о Пушкине, которого также с детства знал и любил, но Некрасов мне был как-то лично близок, я знал его биографию, знал о его голодной юности и т.д." /У1, 11/.

И это ответное письмо не дает права утверждать о предпочтительном увлечении Твардовского только Некрасовым. В письме фигурирует и Пушкин. О том, что не следует преувеличивать увлечений Твардовского Некрасовым, свидетельствуют и другие факты. Так, несмотря на настойчивые уговоры профессора А.М.Еголина опубликовать доклад о Некрасове, Твардовский отвечал молчанием. Доклад тогда не был напечатан. Только через много лет, когда уже не было в живых ни бывшего студента ИФЛИ, ни его научного руководителя, фрагменты доклада были опубликованы в сборнике научных статей о Некрасове, выпущенном в Ярославле.

Л.Озеров вспоминает, что в ИФЛИ, наряду с семинаром Еголина, рассматривавшем проблемы изучения творчества Некрасова, существовал пушкинский семинар, которым руководил Д.Д.Благой. Между участниками разных семинаров нередко вспыхивали споры о месте названных поэтов в истории русской литературы. Часто их противопоставляли друг другу.

Как вел себя в этой атмосфере Твардовский? Автор ме-

муаров "Ифлийские годы" утверждает, что в "нечастых беседах о Пушкине" Твардовский "был почтительно осторожен, словно откладывал окончательный разговор до новых времен" /Вос., 77/. Из своих диалогов с поэтом Л.Озеров заключил, что автору "Страны Муравии" в те годы "был ближе Некрасов, от этого никуда не уйдешь" /Вос., 78/, — вывод, строго говоря, не вытекающий из анализа представленных мемуаристом источников.

Конечно, в период работы над докладом о Некрасове поэма "Кому на Руси жить хорошо" представлялась Твардовскому "ближе" пушкинского "Онегина", но это еще ни о чем не говорит. Через год после указанных событий в упомянутом уже письме В.Е.Евгеньеву-Максимову поэт отметил, что Некрасов "был ему как-то лично близок" — сказано в прошедшем времени. Другого ответа Твардовский дать не мог, потому что Пушкин был и оставался поэтом не менее дорогим ему, чем Некрасов. Об этом свидетельствует самый надежный источник — стихи самого Твардовского.

Из первых стихотворений, которые сохранила память поэта, в автобиографии он приводит следующие строки:

Раз я позднею порой
Шел от Вознова домой.
Трусоват я был немного,
И страшна была дорога;
На лужайке меж раки
Шупень старый был убит.../1, 21/.

"Речь шла, — пишет он далее, — об одинокой могиле на середине пути до деревни Ковалево, где жил наш родственник Михайло Вознов. Похоронен был в ней некто Шупень, убитый на том месте. И хотя никаких раки там поблизости не было, никто из домашних не упрекнул меня этой неточностью: зато было складно" /1, 21/.

Твардовский сам указывает, что первое запомнившееся ему детское стихотворение было написано под влиянием пушкинского "Вурдалака" из цикла "Песни западных славян". Вот начало этого стихотворения:

Трусоват был Ваня бедный:
Раз он позднею порой
Весь в поту, от страха бледный,
Через кладбище шел домой /Ш, 308/.

Если сопоставить стихотворения двух поэтов, то сходство между ними паразитическое.

У Пушкина:

Трусоват был Ваня бедный
Раз он поздною порой
Весь в поту, от страха бледный...

У Твардовского:

Трусоват я был немного...
Раз я поздною порой...

И страшна была дорога...
"С того времени я и пишу", — заключает Твардовский, давая понять всем, кто прочил ему Некрасова в учителя, что у его поэтической колыбели стоял сам Пушкин. Это, конечно, не исключает воздействия на него некрасовской поэзии, но Пушкин был и остался навсегда первым русским поэтом, на кого опирался родившийся на Смоленщине в Загорье поэт.

Пушкин будет играть решающую роль и в дальнейшем творческом развитии Твардовского. "Он был у нас на устах, — скажет поэт, вспоминая конец 1920-х — начало 1930-х гг., — мы читали его друг другу на память и по книге, без него не обходились наши споры о современной поэзии..." /У, 378/. Оглядываясь на пройденный путь, уже в послевоенное время, Твардовский высветил опять этот важный этап в своем творческом развитии. "Мне и моим сверстникам, — писал он, — иногда кажется, что в пору нашей ранней юности, при наличии таких сильных современных ее увлечений в поэзии, как Есенин и Маяковский, Пушкин все же занимал большую часть нашей души, чем у молодежи нынешней" /У, 378/.

На довоенные годы Твардовского приходится ряд произведений, навеянных гением Пушкина, столетие со дня гибели которого в 1937 г. отметила страна. Твардовский посвятил этому событию стихотворение "К портрету Пушкина" (о чем не упомянул Л.Озеров), в котором выразил свое отношение к великому поэту:

Земля, где песни так живучи,
Где их слагает и поет
Сам неподкупный, сам могучий,
Сам первый песенник — народ,—
Земля такая не могла ведь,
Восстав из долгой тьмы времен,
Родить и нынче гордо славить
Поэта, меньшего, чем он... /1, 147/.

Стихотворение "К портрету Пушкина" было написано Твардовским за год до подготовки и прочтения в семинаре доклада

о поэме Некрасова "Кому на Руси жить хорошо". Поэтому в студенческих спорах о Пушкине и Некрасове у него было свое определенное, вполне сложившееся мнение. Он выскажет его в печати несколько лет спустя — в послевоенной статье "Праздник русской и мировой литературы". По его убеждению, Некрасов — прямой наследник Пушкина: "...его язык, его стих развивались по заветам пушкинской эстетики — эстетики реализма" /У, 19/. В конце 50-х гг. в письме к В.А.Смирнову из Ялты он напишет, что Некрасов — "славнейший после Пушкина поэт родной земли" /У1, 65/. Вот почему тогда, в годы своего студенчества, он, в отличие от однокашников по ИФПИ, не выдвигал на первый план Некрасова, который был, между прочим, занесен в книгу народных поэтов раньше, чем Пушкин, и в то же время не отрицал начисто Пушкина как "дворянского поэта", что тогда считалось модным и современным и чего от него как раз хотели услышать друзья-студенты, в их числе, видимо, и Л.Озеров. Твардовский вовсе не "осторожничал" в своих высказываниях по этому вопросу, как это показалось мемуаристу, а напротив, чувствовал какое-то душевное облегчение от убежденности, что лично для себя он уже давно решил спорный вопрос о Пушкине и Некрасове. И решил его в пользу Пушкина — "светлого (как скажет он позднее) человеческого гения".

Летом 1939 г. Твардовский посетит свое родное Загорье и оставит в советской поэзии в связи с этим "визитом" три выдающихся произведения: "На хуторе Загорье", "Друзьям" и "Поездка в Загорье" — лучшее, что вообще создано им в лирическом плане. По емкости, философской глубине и художественной выразительности эти произведения можно сопоставить только с пушкинским "Вновь я посетил..."

Прежде всего, развитие самой лирической темы у поэтов аналогично. Твардовский, если судить по стихотворению "Поездка в Загорье", испытывал какую-то робость, даже боязнь от предстоящей встречи со своими односельчанами — а вдруг не признают, не поймут. Для Пушкина тоже небезразлично было узнать, как отнесется к нему "племя младое, незнакомое", поймет ли оно его тревоги или отвернется с насмешкой, ибо "много переменилось в жизни" для него и сам он, "покорный общему закону, переменился". Особенно много схожде-

ний в обращениях поэтов.

У Пушкина: Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучий поздний возраст.../III, 346/.

У Твардовского:
Скоро ль, нет ли, не знаю,
Вновь увижу свой край,
Здравствуй, здравствуй, родная
Сторона,

И — прощай!.. /I, 211/.

Для поэтов важно было посетить "тот уголок земли", с которым были связаны их драматичные воспоминания, чтобы подвести итог содеянному и наметить перспективы будущего творчества. Для Твардовского

За недолгие сроки
Здесь прошли—пролегли
Все большие дороги,
Что лежали вдали /I, 209/.

Можно, конечно, приводить и другие аналогии, свидетельствующие об использовании пушкинского поэтического опыта в довоенной лирике Твардовского.

По собственному признанию Твардовского, всю силу пушкинской поэзии он по-настоящему постиг только в годы Великой Отечественной войны: "С восторгом как бы внезапного постижения я обретал в затертом томике из походной библиотечки благородную красоту навечных запечатлений мысли и чувства, родной природы, родной земли, с ее городами и селами, полями и водами, суровой седой стариной, сказаниями и песнями" /У, 18/.

А.Турков, сопоставив пушкинского "Евгения Онегина" с "Василием Теркиным" Твардовского, считает, что эти произведения не только по характеру своего названия (имена и фамилии героев), не только по стижу с небывалой свободой и естественностью переходов от темы к теме", но и до некоторым параллельным эпизодам перекликаются между собой. В качестве примера исследователями обычно приводятся строки из заключительной главы поэмы:

"Светит месяц, ночь ясна,
Чарка выпита до дна..." /II, 327/.

Эти строки, которые Твардовский заключил в кавычки как "чужие", взяты из "Похоронной песни Иакинфа Маглановича":

С богом, в дальнюю дорогу!
Путь найдешь ты, слава богу.
Светит месяц; ночь ясна;
Чарка выпита до дна /Ш, 299/.

Пушкин говорит о "дали свободного романа", и Твардовский завершает поэму аналогичными суждениями:

Эту книгу про бойца,
Я и начал с середины
И закончил без конца /П, 330/.

Приведем еще одну аналогию, которая не встречалась в научной литературе. Автор "книги про бойца" скажет в доверительной форме своему многомиллионному читателю:

Я покинул дом когда-то,
Позвала дорога в даль,
Не мала была утрата,
Но светла была печаль /П, 242/.

Эти стихи стоят на уровне лучших пушкинских стихов, переключаясь в какой-то мере с ними; у Пушкина: "Печаль моя светла; Печаль моя полна тобою" /Ш, 114/. Стихи эти передают сложное душевное состояние поэтов.

Пушкин занимает Твардовского и в послевоенные годы. Его имя часто упоминается в письмах, статьях, устных выступлениях. Может быть, это связано было с непроходящей ностальгией Твардовского по прекрасному, ибо вместе с победившим народом поэт всей душой тянулся к истории, художественной культуре прошлого и настоящего, чувствуя себя оторванным от них четырьмя тяжелыми годами войны.

Твардовский не представлял себе дальнейшего развития послевоенной советской литературы без использования богатейшего пушкинского наследия. В то же время он был категорически против всякого рода мессианских настроений, появившихся у некоторых литераторов после войны, полагавших, что должен явиться новый Пушкин, чтобы разрешить все наболевшие волносы времени. "И мне странно, писал он, когда люди, поседевшие на литературной трибуне, люди опытные, вроде Суркова, говорят: что вот придет Пушкин, как после той войны начался великий период литературы, так будет и сейчас" /У, 308/.

В 1949 г. в связи с 150-летием со дня рождения Пушкина снова встал вопрос о значении великого русского поэта в

нашей жизни и литературе, в горячем обсуждении которого принял самое активное участие Твардовский. Он пытается проникнуть в суть основных причин нравственного и художественного воздействия пушкинской поэзии: первую он видит в патриотизме поэта, созвучном патриотизму народов нашей страны, одержавших Великую Победу, вторую — в быстром росте общей грамотности в стране.

Твардовский отмечает философскую глубину и вместе с тем простоту и доступность пушкинской поэзии, "дружески доверительную, свободную и легкую атмосферу", созданную им, в которой не только его современники, но и наши современные читатели не чувствуют никакой подавленности "близостью гения": хотя почти физически ощущают его рядом. Поэтому так сильно и так плодотворно его влияние на читателей любого поколения, ибо, по словам Твардовского, Пушкин всегда с нами "во всем личном своем обаянии ума и характера, которые восхищали его современников и которые мы с такой очевидностью распознаем в каждой его строке" /У, 19/.

По мысли Твардовского, Пушкин в послевоенные годы помог понять, что содержание его произведений не исчерпывается тем звучанием, которое они имели во времена поэта, потому что в последующие эпохи обнаружилось "глубинные" камертоны этого содержания и стихи его зазвучали по-новому: "Пушкин — певец свободы, обличитель тирании, великий патриот и провозвестник светлого будущего для своего народа, был с нами в нашем движении к этому будущему" /У, 21/. Очень своеобразно и по-новому прозвучала мысль Твардовского относительно того, что "у каждого из нас — свой Пушкин, остающийся одним для всех. Он входит в нашу жизнь в самом начале ее и уже не покидает нас до конца" /У, 17/. Таким представлялся Твардовскому Пушкин, если судить по его статьям, выступлениям, письмам, воспоминаниям современников.

Наиболее концентрированно образ великого русского поэта дан им в речи на торжественном заседании в Большом театре в связи с 125-летием со дня смерти поэта, известной как "Слово о Пушкине". В нем оратор хотел высказаться сполна, как когда-то Ф.М.Достоевский в речи при открытии памятника Пушкину в 1880 г. Оба подчеркнули величие и мировое значение русского гения. В то же время Твардовскому показалось, что Достоевский увидел в Пушкине лишь идеал русского чело-

века, смирившего свою гордость. И он резко возразил против той "пророческой" роли, которую уготовил поэту Достоевский. По убеждению Твардовского, Пушкин — образец мужественного непокорства, а не рабского смирения. Именно за такого гордого, свободолюбивого и непокорного Пушкина голосует вся его поэзия, которой он проложил дорогу к народу, к "большому читателю". Именно поэтому Пушкин ныне самый популярный, любимый и гениальный поэт великой многонациональной страны.

Одной из главных причин такого органического слияния с народом Твардовский называет "феноменальность" Пушкина, который не умел плохо писать. Об этом свидетельствует весь его "золотой запас" — не только "Евгений Онегин" и "Борис Годунов", "маленькие трагедии", проза, но даже письма поэта — своего рода шедевры определенного жанра; сила Пушкина — в высокой и светлой его поэзии, в человечности дум и чувств, в гуманизме, по праву унаследованном гуманизмом социалистическим.

Таким образом, все лучшее, что имеет советская литература, идет от Пушкина, питается его традициями, его поэтическими родниками, которые, по твердому убеждению Твардовского, несяжаемы; всякое отступление от пушкинских традиций грозит большими срывами.

Говоря о "феноменальности" Пушкина, Твардовский обратил внимание на то, что, владея живым и непринужденным диалогом в стихах, он "нередко вовсе обходился без него в прозе, и, однако, она своим лаконизмом и емкостью восхитала всех старых богатырей позднейшей, высочайшим образом развитой русской прозы" /У, 375/. Описание взятия Белогорской крепости в повести "Капитанская дочка" восторгало Твардовского краткостью изложения, "волшебством" речи автора, рассказчика, повествователя.

Твардовский считал, что равнодушие и невнимание к слову, как и небрежное отношение к языку вообще, создают, кроме постного многословия, и другие непреодолимые трудности на пути движения литературы: "недостаточность пытается укрыться за щитом из высоких гражданственных слов, не прогретых, так сказать, на собственном огне" /У, 376/.

Свои тревожные мысли по поводу порчи русского языка поэт обобщил в стихотворении "Слово о словах", которое создавалось

им в тот же пушкинский год, что и его речь на торжественном заседании в Большом театре. В речи он взволнованно говорил о необходимости охраны языка в "государственном масштабе", как и об охране природы; в стихотворении он также ратовал за такой "устав суровый, Чтоб ограничить трату слов"; "Чтоб сердце кровью их питало, Чтоб разум их живой смыкал; Чтоб не транжирить как попало Из капиталов капитал..". /Ц, 145/. И здесь величайшим авторитетом для Твардовского был Пушкин, по отношению к которому ему даже неловко было употреблять слово "мастерство", потому что более подходило другое слово — "волшебство", хотя хорошо известно, "какого неусыпного, подвижнического труда стоила этому "любимцу муз" потрясающее нас совершенство его созданий" /У, 375/.

В глазах Твардовского Пушкин был величайшим из гуманистов, восславивших свободу в свой "жестокый век"; "и, может быть, — считал он, — никогда еще это простое словосочетание "чувства добрые" не имело такой полноты выражения, не могло быть осмыслено людьми в такой мере, как в наши дни борьба "добрых чувств" с чувствами недобрыми, бесчеловечными /У, 370/. Созвучие поэтов двух эпох здесь полное. Поскольку "жестокый век" не покинул планеты от Пушкина до Твардовского, а еще, быть может, более изоцирился в своей бесчеловечности, то все послевоенное творчество советского поэта посвящено пробуждению "чувств добрых", защите человека (поэма "По праву памяти"), всеобщего мира от угрозы войны. Некоторые исследователи считают, что пушкинские стихи из "Похоронной песни Иакинфа Маглановича" предваряют мощное развитие антивоенной темы в таких стихотворениях Твардовского, как "Я убит подо Ржевом", "В тот день, когда окончилась война", "Я знаю, никакой моей вины..", "9 мая", "22 июня 1941 года", "Их памяти", "Жесточая память", "Сыну погибшего воина", "Та кровь, что пролита недаром" и др. Конечно, в этом случае речь может идти не о поэтических параллелях, тем более заимствованиях, а об инновациях, переосмыслении Твардовским некоторых пушкинских творческих находок, "преумножении" их.

Пушкинские инновации слышатся в поэме "За далью — даль". А.А.Фадеев, прочитав ряд печатавшихся одна за другой глав поэмы, пришел в неописуемый восторг. "Мне кажется, — писал он К.Н.Стрельченко, — что я угадываю его замысел. Это будет свободная поэма "ума холодных размышлений и сердца горестных замет", сцементированная тем, что эти размышления ума и

заметы сердца будут как бы посвящены нашему движению к коммунизму со всоткрывающимися новыми "далями"... По форме же это... исключительно смело . . . особенно в том смысле, что давно уже никто не осмеливался так откровенно, почти нахально воспользоваться пушкинским ямбом, наклонив его, этот ямб, абсолютно своей, твардовской интонацией".

Из всего необъятного пушкинского наследства, поистине "энциклопедии русской жизни", Твардовский особо выделял лирику, которая была в его глазах феноменом неиссякаемой энергии потрясающей внутренней силы, предстающей перед читателем в разном облики: "и предельно нежной, и младенчески чистой, и рыцарски возвышенной, и плотски страстной, и озорной, и даже фривольной, чтобы не сказать более", но никогда — пошлой /У, 377/. Что касается самого Твардовского, то он никогда не переходил указанной им "запретной" грани.

Как и Пушкин, он гениально сочетал в своем творчестве представление о бесконечной ценности жизни и мужественный взгляд на ее быстротечность. Пушкин писал:

Я говорю, промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час /Ш, 135/.

И у Твардовского можно прочесть:

Все сроки кратки в этом мире,
Все превращенья — на лету.
Сирень в году дня три-четыре,
От силы пять кипит в цвету /Ш, 152/.

Таков Пушкин, величайший русский поэт XIX в. в представлении, в творческом сознании Твардовского, выдающегося советского поэта XX в. Без них в наше время нельзя представить русскую художественную культуру. Действительно, литература без Пушкина и литература без Твардовского — это абсурд: они с нами, во всем своем личном обаянии ума и таланта, живые наши современники, два поэта, два "втягзя прекрасных" русской поэзии, два могучих фактора развития не только отечественной, но и мировой художественной культуры. Первый был у кормила реалистического искусства и своим творчеством способствовал его мощному расцвету на этом пути. Второй участвовал в создании молодой литературы социалистического реализма, утверждая его своим самобытным творчеством. В какой мере правомочно и конструктивно сближение поэтов, которых разделяло более

ста лет? Методика сравнительно-типологического анализа позволяет увидеть прочные и веские основания существующих связей между поэтическим наследством художников разных эпох. Конечно, Пушкин жил и творил задолго до появления на поэтической стезе Твардовского, в то время как Твардовский формировался уже в атмосфере, созданной Пушкиным и его многочисленными последователями разных поколений, развивался под ярким солнцем пушкинской поэзии. Об этом свидетельствуют многочисленные факты: читательское и чисто литературное, этическое, творческое восприятие Пушкина Твардовским, использование им его богатейших традиций, творческих связей и художественных открытий, переосмысление их, обновление, "преумножение", развитие, что и хотелось подчеркнуть в нашей работе, наметившей лишь отдельные пути осмысления этой большой и важной темы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Отметим статью: Акаткин В.М. Современник будущего (Твардовский о Пушкине) // Революция, жизнь, писатель. Воронеж, 1976.
- 2 Твардовский А.Т. Собрание сочинений: В 6 т. М., 1976-1983. Т. 1-6. Далее ссылки на это издание (с указанием тома и страницы) даны в тексте. Произведения Пушкина цитируются по изданию: Пушкин А.С. Полное собрание сочинений :В 10 т. М., 1962-1966.
- 3 Воспоминания об А.Твардовском. М., 1978 (в тексте - Вос.).
- 4 Дементьев А. На всю жизнь (Твардовский о Некрасове) // Вопросы литературы. 1977. № 8. С. 190-215.
- 5 О Некрасове: Статьи и материалы. Ярославль, 1975. Вып. 4. С. 279-311.
- 6 Литературная газета. 1987. 21 янь.
- 7 Фадеев А.А. Собрание сочинений, М., 1971. Т.7. С. 365-366.

Н.В.МАРТЫНОВА

Московский институт нефтехимической и газовой промышленности
"МЕДНЫЙ ВСАДНИК": СПЕЦИФИКА ЖАНРА

Первичную информацию о содержании текста художественного произведения дает заглавие. И.Р.Гальперин сравнил название с закрученной пружиной, раскрывающей свои возможности в процессе разворачивания.

Министерство высшего и среднего специального
образования РСФСР
Калининский государственный университет

ПУШКИН: ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА ,
ТЕКСТОЛОГИИ , ВОСПРИЯТИЯ

Сборник научных трудов

Калинин 1989